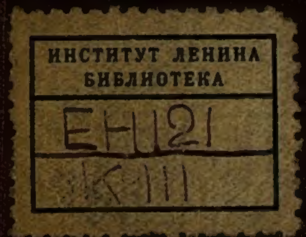
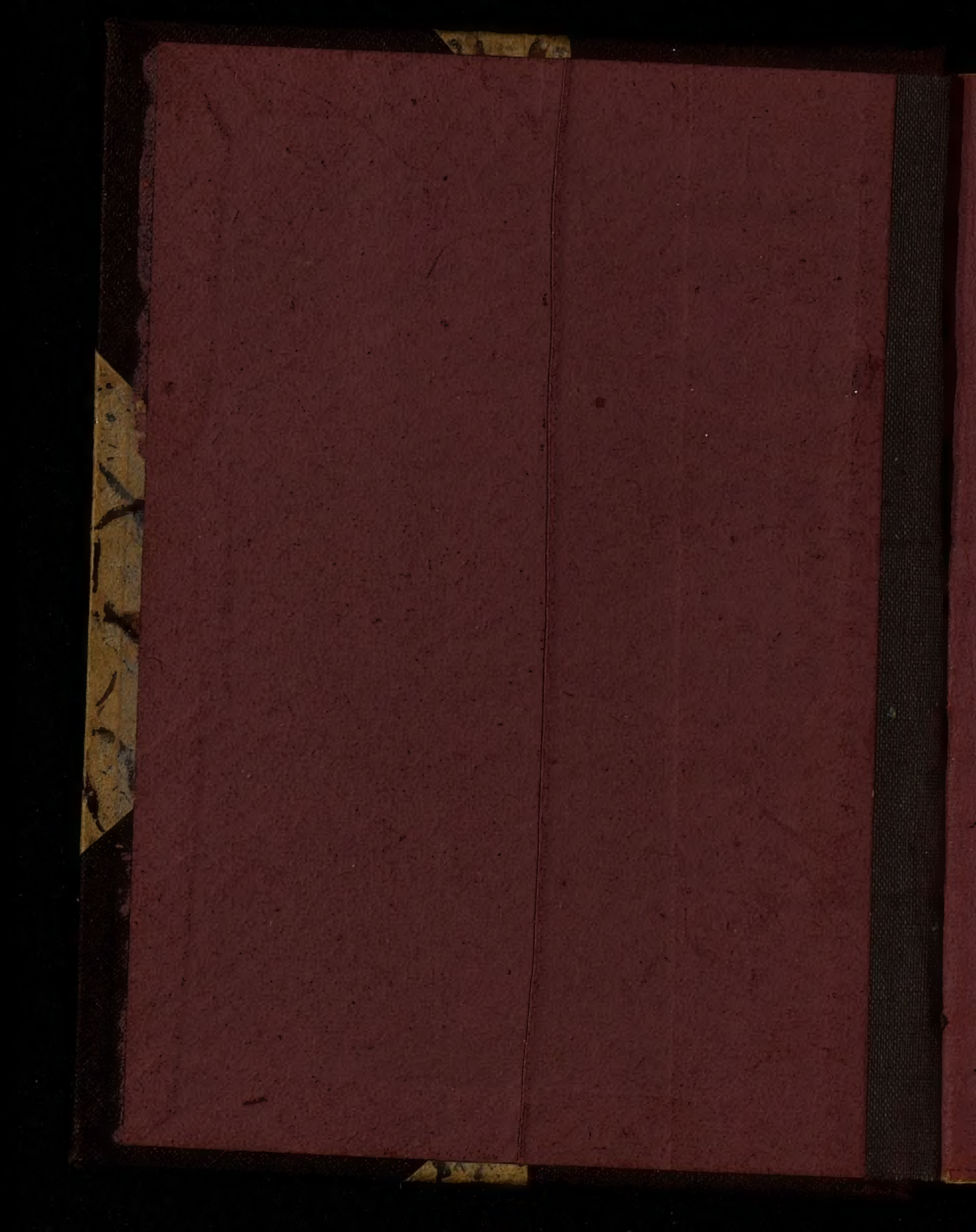
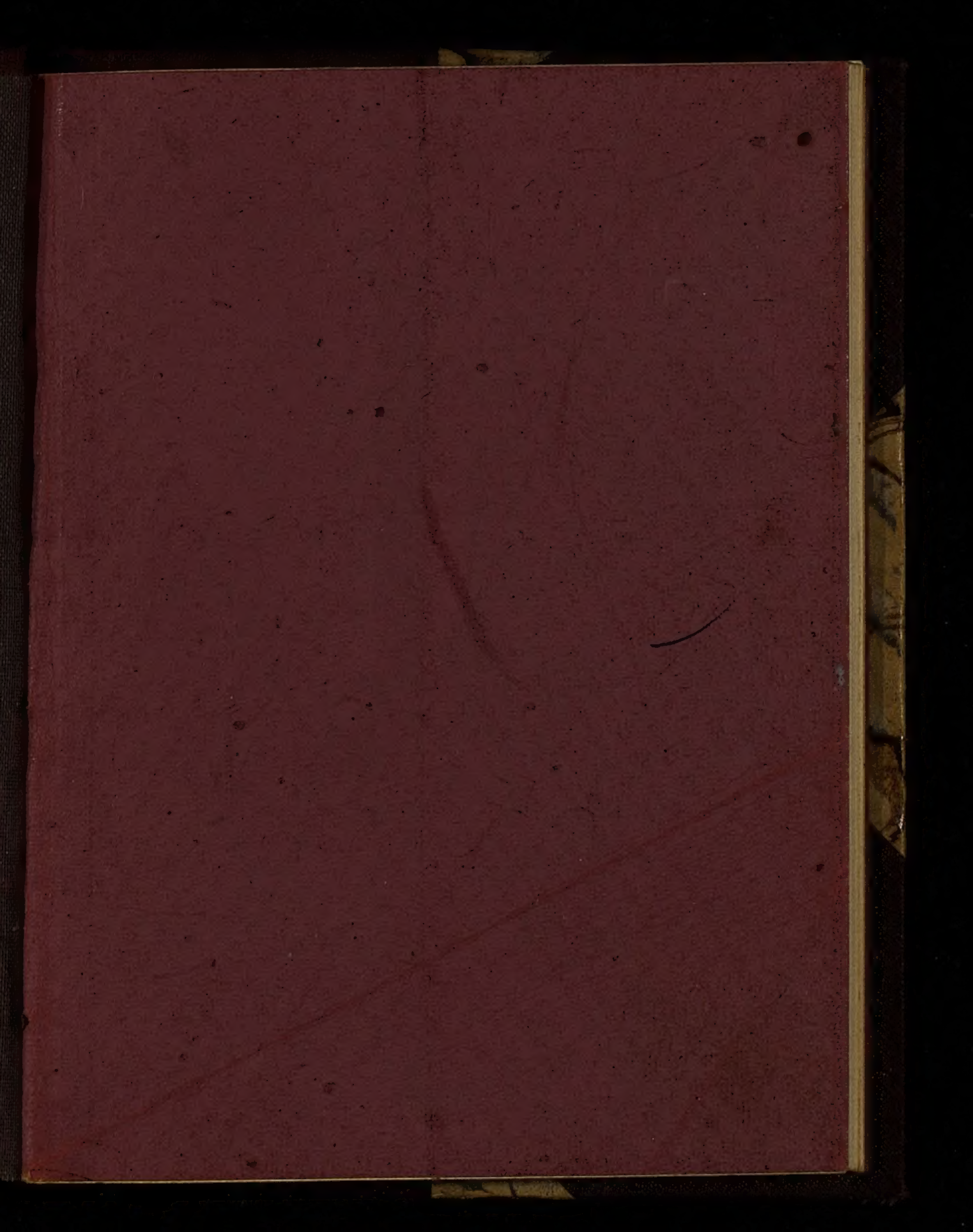
Бухарин

К ВОПРОСУ о ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ переходного ПЕРИОДА

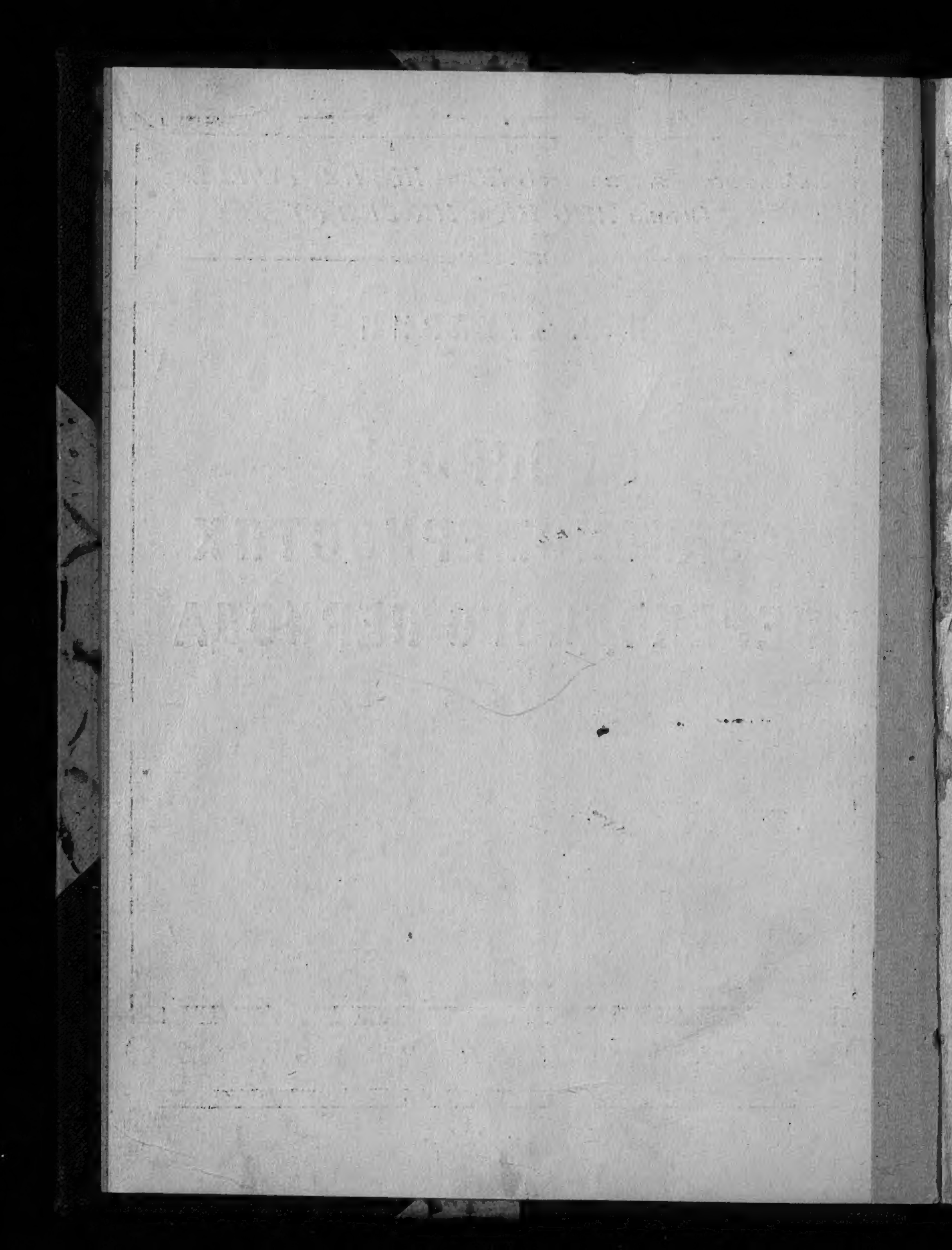

Библиотека журнала «В ПОМОЩЬ ПАРТУЧЕБЕ»
Органа АПО ЦК и МК ВКП (б)

Н. И. БУХАРИН

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

Библиотека журнала «В ПОМОЩЬ ПАРТУЧЕБЕ»
Органа АПО ЦК и МК ВКП (б)

Н. И. БУХАРИН

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА

Критические замечания на книгу Е. Преображенского „Новая экономика“

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
Москва—Ленинград

«Мосполиграф» 14 тип.
Варгунихина гора, 8.
Мосгублит № 1630.
Тираж 10.000.
Москва 1928.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая брошюра издается по просьбе агитпропа МК партии. Она состоит из нескольких статей, печатавшихся в свое время в «Правде». У меня были готовы планы еще семи статей, в которых продолжается и завершается теоретическая полемика о книге Е. А. Преображенского. Однако, к величайшему сожалению, практически-политическая работа с'ела у меня все время, и планы остались невыполненными.

Я решаюсь, однако, издать вышедшие статьи отдельной брошюрой потому, что в них намечена основная линия, по которой должна итти критика работы Е. А. Преображенского, а с другой стороны, намечено и положительное решение трактуемых вопросов. Так как читать эти статьи в старых номерах газеты весьма затруднительно, приходится издавать их брошюрой, хотя вся работа и не закончена. Известную пользу, полагаю, брошюра все же принесет.

Н. Бухарин.

Москва, 4 января 1928 г.

Довольно значительное время тому назад мне пришлось выступить с критикой статьи тов. Преображенского о «законе первоначального социалистического накопления» [1]). Вскоре автор «закона» ответил сердитой контрстатьей, где он обещался «сфотографировать» меня «на месте преступления», обвинил, натурально, в разных искажениях, упрекнул в том, что я «высокую теорию» подчинил «низменной политике», поздравил с «дешевой победой», воспарил, аки лебедь, в белоснежные выси абстракции и обещал дать еще более солидный ответ, так сказать, «по совокупности», в готовящейся к печати *книге*. Теперь эта книга появилась в свет, и мне приходится на нее отвечать, тем более, что «низменная политика» ставит в новой форме те же коренные вопросы нашего строительства, а тов. Преображенский, демонстрирующий к ней свое профессорское

---

[1]) *Е. Преображенский.*—«Основной закон социалистического накопления» («Вестник Комм. Ак.», 8); *Н. Бухарин.*—«Новое откровение о советской экономике» и т. д., сб. «К вопросу о троцкизме». М. 1925 г.

«ледяное презрение», по существу дела обосновывает как раз определенную—и притом отнюдь не совсем правильную—*политику*, заодно обрушиваясь на своих оппонентов с целым каскадом избранных «неполитических» характеристик, как-то: «комнародники», «меньшевизм», «вульгарные экономисты» и т. д., и т. п. Защищать всех оппонентов тов. Преображенского не входит в мою задачу. Но указать на то, что тов. Преображенский отнюдь не выдерживает «стиля» и так же мало далек от политики, как любой из нас, грешных, с тою только разницей, что он это почему-то скрывает,—указать на это я считал своей маленькой (и даже совсем крохотной), но все же обязанностью именно с точки зрения политика. Вообще же да позволено будет заметить, что «высокоприподнятый» тон и профессорское важничанье, которыми густо насыщена книга тов. Преображенского, производят несколько комичное впечатление: вот уж поистине «русский дух» «зады твердит». И что за зады-то! Когда-то все мы в большей или меньшей степени щеголяли этой «ученостью», за что поделом получали от Ленина. Ну, а теперь-то,

на девятом году диктатуры, в сорокалетнем возрасте? Не смешно ли выступать этакими индейскими петухами и так претенциозно надуваться?

Пожалуй, чуть-чуть смешно.

А засим позвольте, читатель, взять вас под руку для прогулок по теоретическим садам «Новой экономики».

I. О ХАРАКТЕРИСТИКЕ ЗАКОНОВ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ТОВ. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

ПЕРВЫМ, самым общим, методологическим вопросом, на который натыкается любой исследователь «новой экономики» [1]), является вопрос о том, какой *характер* носят законы этой экономики. Известно, что закономерности *капитализма* суть закономерности *стихийного* развития; они «слепы»; они выражают иррациональность общественного процесса; оттого-то они и представляются внешними законами, «на манер закона тяжести, когда над вашей головой обрушивается дом» (Маркс). С другой сто-

[1]) Название не из удачных, ибо совершенно нейтрально по отношению к социально-классовым моментам: «новым» считается *все*, что «ново»: «новым» был и госкапитализм военного времени, «новой» является теперь экономика послевоенного периода вообще. В термине замазана *социальная* новизна советской экономики.

роны, закономерности организованного *социалистического* общества имеют *свою* характеристику. Разумеется, и здесь царит причинная обусловленность всего происходящего. Но эта причинность познается людьми и получает свое выражение *через* их коллективно-организованную волю. «Царство свободы» есть царство «*познанной* необходимости», но все же *необходимости*, и, конечно, абсолютно неправы те, кто знаменитый «прыжок» представляют себе как прыжок в сферу, где причинность исчезает и где самое понятие закономерности становится за «устарелостью» излишним. Столь смелые «новаторы» по сути дела проделывали бы «прыжок» в царство чистейшей воды дешевенького идеализма. Тов. Преображенский вполне прав, когда обрушивается на них с такой же силой, как вышеупомянутый марксов «дом». К счастью, разновидность таких экономистов, которые совершали бы свой причинно-обусловленный полет в царство беспричинности, не особенно велика, да и полемика с ними совершенно неинтересна за полной ясностью проблемы; нельзя же на многих и многих страницах «в поте лица своего»

ломиться в открытую дверь: такое донкихотство явно противоречит режиму экономии.

Поставим себе вопрос о типе закономерностей *переходного времени*, т. е. периода *между* капитализмом и социализмом. Нетрудно сообразить, что этот период есть *период перерастания стихийных законов в законы познанные и сознательно проводимые*. Когда-то г-н *Петр Струве*[1]) выдвинул тезис о неизбежном дуализме хозяйственного процесса, имманентном этому последнему как таковому. Здесь была перед нами точка зрения буржуа, который не может выпрыгнуть за пределы своей околицы и «научно» полемизирует против возможности рационального общественного строя вообще. Между тем действительность переходного периода, где несомненно этот дуализм еще есть, представляет собою картину постоянного перемещения центра тяжести от стихии к сознательности, от слепоты к плану, от иррационального к рациональному. Пределом этого развития—и историческим и логическим—является «коммунисти-

1) *П. Струве*.—«Хозяйство и цена».

ческий способ производства», наследник и капитализма и пролетарской диктатуры. Все это как будто понимает и тов. *Преображенский*. Но вот дальше он начинает спотыкаться, хотя при этом и имеет победоносный вид. Таково уж «противоречие» преображенской «политики»...

Поставим, в самом деле, перед собой вот какой вопрос: в *чем* выражается рост рационального начала над иррациональным? Ответ будет довольно недвусмысленный: в росте плановости. Что же является базисом этой плановости? Ответ тоже очевиден: рост государственно-социалистических элементов хозяйства, рост их влияния и рост их удельного веса. В чем, наконец, находит свое выражение этот процесс с точки зрения особых свойств *закономерностей* переходного периода? В том, что стихийные регуляторы сменяются сознательными, т. е. *экономической политикой* пролетарского государства (с известного периода теряющего свой классовый характер, т. е. отрицающего само себя, т. е. перестающего быть *государством)*.

Абстрагировать от экономической политики пролетарского государства—это и значит брать

законы переходного времени *вне* исторической их характеристики, *вне* перерастания «стихийного» в «сознательное», т. е. как раз проделывать то, против чего совершенно справедливо протестует тов. Преображенский.

А сам «товарищ протестант»?

Читайте!

Стр. 6 «Новой экономики» гласит:

> «Возражения методологического характера (возражения, делавшиеся тов. Преображенскому.—*Н. Б.*) сводились, во-первых, к тому, что нельзя при исследовании советского хозяйства абстрагироваться от *экономической* (курсив наш.—*Н. Б.*) политики советского государства, хотя бы дело шло об абстрагировании на определенном этапе исследования. Это первое возражение, если на нем настаивать, с неумолимой логической неизбежностью угрожает отбросить оппонентов на позиции Штаммлера и его школы, а также к точке зрения суб'ективной социологии Михайловского, Кареева и т. д. Вместе с тем, эта позиция не позволяет в области экономической теории выбраться из болота вульгарной политической экономии, хотя бы и в советском издании, а тем самым не дает сделать ни одного действительного шага вперед в деле научного изучения советского хозяйства».

Мы дальше увидим, какие «огромные шаги» сделал тов. Преображенский. Отметим сейчас (пока в кредит, но не долгосрочный) громадную... самоуверенность в осуждении оппонентов, которая—как мы убедимся—есть в данном случае излишняя самоуверенность по отношению к самой *науке*.

Тов. Преображенский повторяет свои филиппики, аналогичные только что приведенным, несколько раз, цитирует Штаммлера, цитирует—совсем не к месту—Маркса, присовокупляет затем ряд одиозных имен (в противоречии с латинской поговоркой их-то ему и нужно упомянуть потому, что они одиозны[1]) и затем гордо заявляет, что сам он, разумеется, состоит в «чистых» и целиком остается «на почве марксизма» (стр. 34). Оставаться «на почве марксизма» очень хорошо, но ведь одно дело декларации, а другое—действительность. По крайней мере, не всегда эти две величины «соответствуют».

Маркс,—говорит тов. Преображенский,—отвлекался от государства и его функций. Это верное

[1]) См. стр. 32, 33 и т. д.

замечание (хотя и не очень оригинальное). Но, насколько мы припоминаем, Маркс исследовал *капиталистическое* общество с его *стихийными* закономерностями. А сам тов. Преображенский называет — по заслугам — совсем нехорошими словами тех людей, которые не понимают «маленькой» разницы между капитализмом и периодом пролетарской диктатуры. К чему же тогда ссылка на Маркса?

Но вот что выдает тов. Преображенского поистине *с головой*. В подстрочном примечании на стр. 33, напечатанном самым «петитистым» петитом, мы читаем:

> «Указание на то, что у нас государство руководит социалистическим сектором хозяйства и от него неотделимо, доказывает лишь, что здесь больше трудностей для абстракции, чем при капитализме, но ни в малой мере не говорит против необходимости отделить *экономику* от *политики* (наш курсив.— *Н. Б.*) *на определенной стадии исследования*».

Читатель, вероятно, догадывается уже, в чем дело. Тов. Преображенский *решающий* аргумент своих противников запрятал в *примечание*, а вместе с этим запрятал сюда и *всю проблему*.

Постараемся вытащить вопрос из этого литературного подземелья и поставить проблему так, как это вызывается действительными интересами исследования.

Но сперва да будет разрешено обратить внимание на одно обстоятельство. В цитате, взятой из стр. 6 «Новой экономики», речь идет об *экономической* политике советского государства, т. е. как раз о той сфере, к которой *хозяйственное планирование* относится в первую голову. В примечании же петитом, куда тов. Преображенский — очевидно не в целях политики, а самого об'ективного «исследования»— ухитрился насильственно запихнуть самое важное, «*экономическая* политика» превратилась, с божьей помощью, просто в «политику». Это, конечно, до известной степени облегчает тов. Преображенскому проделывать его «трудные» абстракции. Но в интересах науки, о которой так печется тов. Преображенский, мы будем говорить, в согласии с стр. 6 «Новой экономики», именно об *экономической* политике.

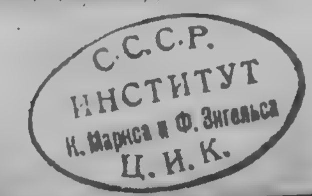
Итак, рассмотрим этот вопрос по существу. Приведем, прежде всего, главный «аргумент»

тов. Преображенского. Про возражение о недопустимости абстрагирования от экономической политики советского государства автор «Новой экономики» пишет:

«Это возражение совершенно несостоятельно и бьет против общесоциологического метода Маркса, против теории исторического материализма... Своим построением о «базисе и надстройке» он (Маркс.— *Н. Б.*) обосновал свое право начать анализ капиталистического общества с «базиса», хотя бы определенная надстройка всегда предполагалась как об'ективный факт... Почему же и при *теоретическом* анализе советского хозяйства нельзя также начинать с базиса? Мои оппоненты в этом пункте, сами того не сознавая, перекочевывают от марксистского метода в лагерь известного немецкого социолога Штаммлера и его школы, а также подают руку всем другим критикам марксизма...» [1]).

Нетрудно видеть, на чем покоится здесь ошибка тов. Преображенского. Она покоится на том, что он совсем не видит *оригинальности* в соотношении между базисом и надстройкой при режиме пролетарской диктатуры. Настоящий марксизм состоит, как известно, в том, что он

[1]) Преображенский.—I, стр. 32.

рассматривает производственные типы и их надстройки под углом зрения специфически-исторических особенностей (*типовых* особенностей). А тов. Преображенский в *данном* случае радикально *позабыл* об этом основном методологическом требовании марксизма.

В самом деле, «классический капитализм», анализ которого в его абстрактной форме был дан Марксом, являлся такой общественно-производственной структурой, где *хозяйствующие суб'екты* с точки зрения их хозяйственных функций не включались непосредственно в аппарат государственной власти. Государство отнюдь *не было* составной частью *производственных отношений*, изучать которые призвана экономическая теория. Государство *обслуживало* процессы капиталистического воспроизводства, воздействовало на него как соответствующая политическая оболочка—*и только*, причем экономические закономерности определялись на основе стихийности всего процесса в целом. *Финансовый* капитализм обозначал и обозначает известное нарастание (в определенных пределах и при одновременном расширении и обострении

противоречий на новой, более высокой основе) *рациональных* моментов (синдикаты, тресты банковые консорциумы и т. д). От этих моментов экономическая теория тоже *не* абстрагировала. Хороша была бы экономическая теория финансового капитализма, если бы она, например, абстрагировала от политики монопольных цен, dumping'а, экспорта капитала и т. д. Разумеется, задачей здесь является, между прочим, установление об'ективных границ для этой политики, отыскивание экономических обусловленностей ее и т. д. Но это отнюдь не означает *отвлечения* от этих моментов, что понять вовсе не так трудно.

Но, скажут нам, ведь тресты и синдикаты входят при финансовом капитализме не в систему государственной власти, т. е. не в систему надстройки: они сами суть организационные формы *экономического базиса* общества.

Это верно. Но указание на них нам нужно для большей ясности последующего изложения вопроса. Ибо у нас *наши* тресты и синдикаты *входят* в совокупный государственный аппарат, а их политика *входит* важнейшей составной

частью в политику государственной власти. *Аппарат нашего госхозяйства является составной частью производственных отношений* советского общества, т. е. сам целиком *включен* в «базис». Вот этой «маленькой» особенности нашего строя тов. Преображенский вовсе не замечает. Он только чувствует, что дело неладно, и торопливо, петитцем, заползает в подворотню подстрочного примечания.

А давайте поставим вопрос действительно со всей марксистской резкостью. Что является *типичным* для советской экономики, в отличие от всех прежних структур? То, что рабочий класс *и в производственном процессе* играет руководящую роль; то, что старая иерархическая производственная лестница *перевернута*; то, что нет старого «отношения господства и рабства» (Herrschafts-und Knechtschaftsverhältnis, Маркс). Это выражается конкретно, в первую очередь, *в пролетарском управлении промышленностью,* вообще же—в пролетарском руководстве всей хозяйственной жизнью страны. Хозяйственные органы госаппарата суть верхушка нашего специфического *базиса.* Отвлекаться, абстрагиро-

вать от них, значит отвлекаться от основной характеристики «новой *экономики»*. И как будто совсем ведь просто понять, что именно такое отвлечение и означает на деле *уход с марксистских позиций*. А тов. Преображенский, который в данном вопросе не токмо уходит, но прямо *бежит* с этих позиций, «победоносно» уличает нас в незаконном сожительстве с буржуазной социологией! Вот уже поистине: «шел в комнату, попал в другую». Попробуйте действительно «отвлечься» от хозяйственных госаппаратов и затем постарайтесь определить тип производственных отношений «новой экономики». Задача окажется неразрешимой: ибо основное, *решающее* отношение производства есть отношение *руководящего* в производстве рабочего класса и к каждому слою пролетариата в отдельности, и к технической интеллигенции, и (если выходить за пределы госпромышленности) к крестьянству. Можно и допустимо отвлекаться от чего угодно, но отвлекаться от главного, от того, что определяет содержание исторического производственного типа,—есть вещь, недопустимая для марксиста. А эту ошибку делает тов. Прео-

браженский, совершенно по-детски перенося схему буржуазного государства на диктатуру пролетариата.

Государственная надстройка не есть вечная принадлежность общества—это во-первых; во-вторых, она на своей и утренней и вечерней заре обладает *особыми* чертами, поскольку и там и тут она не является надстройкой в собственном, «классическом», смысле слова. Ибо она *вырастает* из базиса в начале своего возникновения и она *погружается* в базис и растворяется в нем в конце своего жизненного пути, когда государство «отмирает». Переходный же период характеризуется сперва необычайным усилением государственных функций именно в силу непосредственного слияния надстройки с базисом. Но, как это ни парадоксально звучит, данное обстоятельство есть предпосылка *смерти* самого государства как специфической надстроечной категории. «Базис» порождает «надстройку», но и уничтожает ее, как Хронос—собственных чад. «Управление над вещами» (Энгельс) в коммунистическом обществе не есть уже функция государственной надстройки: это есть частица

совокупного производственного процесса, где хозяйствующим (*планово*-хозяйствующим) суб'ектом является само общество, где об'ективный закон развития совпадает с нормой этого развития, где иррациональность хозяйственной жизни сменяется ее рациональностью. Пролетарская диктатура и соответствующие ей производственные отношения есть зародыш коммунистического общества, планирующие, регулирующие, управляющие госорганы суть зародыш коммунистического «управления над вещами». Государство пролетариата в его хозяйственных функциях (*«экономическая политика»*!) есть рациональное начало, коллективный хозяйствующий суб'ект. Откиньте его, «отвлекитесь» от него, *и тем самым* вы отвлечетесь и от плана, и от перерастания стихийных законов в законы познанные, и от перерастания политической экономии в науку, которую тов. Преображенский именует «социальной технологией», и т. д., и т. п.

Тов. Преображенский, однако, ухитряется проделать такой фокус: он категорически настаивает на «плане» и прочих хороших вещах и в *то же* время еще более категорически на-

стаивает на отвлечении от функций государственной власти в области хозяйства. У него есть план, но без суб'екта плана; планирование, но без планирующих органов; рациональное начало, но без определенного места, где оное начало упомещается. Такие представления нельзя обозначить иначе как мистику. Эту мистику тов. Преображенский и преподносит своему читателю, выбрасывая, одначе, красный флаг с надписью: «Я остаюсь на почве марксизма».

«Свежо предание, но верится с трудом».

Не подлежит никакому сомнению тот факт, что за познанием законов стоят эти самые законы, т. е. что любой сознательный план не падает с неба, а определенным образом детерминируется: *познанная* необходимость, как сказано, есть все же *необходимость*. Но отрывать эту «необходимость» оттого, что она «познана», значит — для планового хозяйства — *сдирать с общественного закона его историческую кожу*,— вещь, марксистскому мышлению абсолютно чуждая и для него чужая.

Теперь, в заключение, необходимо сделать одно крайне существенное замечание. Смена

общественными законами их исторической кожи есть, конечно, процесс гораздо более длительный, чем смена грязного белья. Вся необыкновенная сложность анализа переходного периода и заключается в *пестроте* костюмов, в особенности, если перед нами страна, сочетающая в своем совокупном экономическом организме величайшее разнообразие хозяйственных форм. Завоевание власти пролетариатом и «экспроприация экспроприаторов» есть *предпосылка* для того, чтобы начался процесс линяния общественных законов. Этот процесс имеет своей базой рост государственного хозяйства и его влияния. Этот рост проходит в многосложных и часто в высшей степени противоречивых формах: само *плановое* начало в значительной мере покоится на предвидении равнодействующей *стихийных* факторов. Поэтому в каждый данный момент необходимо опасаться и *недооценки* и *переоценки* планового начала, а равно помнить об исторической *относительности* самого противопоставления. В связи с этим стоит, разумеется, и теоретическая оценка *степени* линяния общественных законов. Анализ всех

этих сложнейших переплетов и выведение основных закономерностей развития составляют теорию переходного периода.

Другое замечание.

Из нашего анализа вытекает, что *нелепо* отвлекаться от *экономической политики* пролетарской государственной власти, ибо это означало бы отвлекаться от планового начала.. Но вполне допустимо на известной стадии анализа отвлекаться от специфически-политических влияний данных *чисто-политических кон'юнктурных колебаний.* Это вопрос совсем особого порядка, и, как легко видит любой мыслящий читатель, смешивать *этот* вопрос с общим вопросом о нашей *экономической* политике в ее *основных* линиях было бы, мягко выражаясь, странным и легкомысленным.

Мы видели, что методологическое введение тов. Преображенского страдает крупнейшим противоречием. Позднее мы увидим, как это противоречие сказывается на дальнейших построениях тов. Преображенского. А пока перейдем к другой, еще более решающей и—на наш взгляд—основной и центральной его ошибке.

II. ВОПРОС О РЕГУЛЯТОРАХ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЖИЗНИ, ИЛИ ОСНОВНАЯ ОШИБКА ТОВ. ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

Итак, мы исчерпали вопрос о первой методологической проблеме, поднятой тов. Преображенским. Переходим теперь ко второму пункту «порядка дня».

> «Второе методологическое возражение было направлено против развиваемого в настоящей книге положения о том, что хозяйственное равновесие в советской экономике складывается на основе борьбы двух антагонистических законов — закона ценности и закона первоначального социалистического накопления, что означает отрицание единого регулятора во всей системе» (стр. 6).

Критикуя натуралистическое понимание закона ценности (совершенно правильно критикуя), нападая на тех, кто не понимает социалистической природы нашего государственного хозяйства, и называя таких товарищей людьми, тяготеющими «к меньшевистской концепции нашего хозяйства» (совершенно правильно, только... гм... гм... как бы это поделикатнее выразиться

на счет некоторых теперешних друзей тов. Преображенского? Не поможете ли вы сами, читатель?..), автор «Новой экономики» продолжает:

«Основное возражение против формулированного мною закона первоначального социалистического накопления... сводилось к следующему аргументу: «Да, говорят оппоненты, социалистическое накопление у нас есть, но никакого *закона* первоначального социалистического накопления нет или, по меньшей мере, существование его не доказано» Одним словом: борьба социалистического планового начала с рынком есть, но борьбы закона ценности с законом первоначального социалистического накопления нет. Всю глубину и неотразимость этого возражения легче всего понять без лишних слов, если изложить его так, как это сделал в личном разговоре со мной один из моих читателей. Он сказал так: «К чему говорить о каком-то законе социалистического накопления? Сколько советское правительство в пределах возможного постановит накопить, столько и будет накоплено» (стр. 7).

По поводу этого «основного возражения» и основного «контрвозражения» можно сделать следующие коротенькие замечаньица.

О «читателе». Это очень удобный прием—взять не шибко борзого умом «читателя» и засим

произвести его возражения в «основные». Правда, тогда тов. Преображенскому и иже с ним «легче понять» — и даже «без лишних слов» — несостоятельность доводов такого «догадливого читателя», легче их опровергнуть и легче чувствовать себя победителем. Но доводы «от читателя» ни капли не уясняют самой проблемы. Ибо, в самом деле, если есть процесс социалистического накопления (см. только-что приведенную цитату), то почему должен быть закон *первоначального* социалистического накопления? Это—во-первых. А во-вторых: если есть борьба планового начала с рынком, то почему закон ценности должен уступать свое место именно «закону первоначального социалистического накопления», а не чему-нибудь иному? Ведь, как раз последнее-то и нужно доказать, а не априорно декретировать. Здесь мы подходим уже к сути проблемы. Но для того, чтобы была яснее точка зрения самого тов. Преображенского, мы вынуждены дать ему слово, и притом по довольно либеральному регламенту.

«И закон ценности, — говорит тов. Преображенский, — и плановое начало, *основные тенденции*

которого принимают форму закона *первоначального* социалистического накопления, действуют внутри единого хозяйственного организма, *противопоставленные* один другому в результате Октябрьской революции» (стр. 27, курс. наш.—*Н. Б.*).

«...если в едином хозяйственном организме имеется в наличности борьба двух начал, как антагонистическая форма движения вперед всей системы, свойственная диалектическому процессу развития, вообще, то вопрос надо ставить не так: может ли быть при таком положении два регулятора, а может ли *не* быть (курсив автора) двух регуляторов» (стр. 36).

«Если мы отчасти вытесняем спасительное для неорганизованного хозяйства действие закона ценности и с его минусами и с его *плюсами* (автор), мы должны соответственно заместить (!) регулирующую деятельность этого закона другим законом, имманентно присущим плановому хозяйству на данной стадии его развития, законом первоначального социалистического накопления» (стр. 40).

Распаляясь все более и более, наш автор переходит прямо в стремительную атаку:

«...факт борьбы двух начал формально все признают. Но, ведь, для борьбы, как известно, нужны минимум *два* (автор) борющихся суб'екта. Дуализм уже налицо. Борьба, если она действительно ведется, не может не быть борьбой за два разных

типа (автор) организации труда, за различное распределение производительных сил, за два метода регулирования. Каким же образом может отсутствовать другой регулятор, антагонистический закону ценности? Это никак невозможно, ни логически, ни на деле. А в таком случае я очень бы советовал нашим экономистам, о которых идет речь, ввести минимум «планового начала» в свои мысли и показать, как они сводят баланс в области теоретической между положением о «последовательно-социалистическом типе» нашей государственной промышленности... и между своими упрямыми утверждениями насчет единого регулятора» (стр. 44).

Тов. Преображенский строит *всю свою теорию «новой экономики»* на «законе первоначального социалистического накопления». На сем же камне он созидает и якобы правоверную церковь своей *практики*. При этом неоднократно подчеркивается солидарность с Лениным, а мы, грешники, зачисляемся по адресу «комнародников». Чтобы резче подчеркнуть все значение, какое придает тов. Преображенский своему детищу—пресловутому «закону»,— мы позволим себе привести обобщающий аккорд самого тов. Преображенского, который берет его, нажимая для пафоса педаль курсива:

«Непонимание того, что такой закон есть, что он имеет принудительный характер для государственного хозяйства и влияет на частное,— не только есть теоретическая ошибка, не только упрямство мысли, консервативность, но и вещь опасная практически, опасная с точки зрения борьбы всей нашей системы коллективного хозяйства за ее существование» (стр. 41).

Другими словами: кто не признает «закона», тот предает «коллективное хозяйство», теоретически и практически изменяет пролетариату, ввергает себя в лоно мелкой буржуазии и т. д.

Мы начнем с конца, начнем с замечания насчет ортодоксальности теоретической позиции тов. Преображенского. Шесть лет тому назад, в 1920 г., я в своей «Экономике переходного периода» употребил термин «первоначальное социалистическое накопление» и в сноске прибавил: «термин, предложенный В. М. Смирновым». На это *Ленин* реагировал следующей припиской: «и крайне неудачный. Детская игра, копирование терминов, употребленных взрослыми». Не трудно будет сообразить, что если, по Ленину, понятие «первоначального социали-

стического накопления» есть «детская игра», то и «закон» тов. Преображенского попадает в ту же категорию. Почему Ленин прав, — об этом разговор будет в другой главе, при специальном анализе «закона». Мы здесь хотели лишь установить, что ссылки на Ленина со стороны Преображенского напрасны, и что «суровые» его выпады по адресу отрицателей «закона» («теоретическая ошибка», «упрямство мысли», «консервативность», «вещь опасная» и т. д.) — все это, прежде всего, относится, как мы видим, к Ленину.

Разумеется, мы отнюдь не считаем, что тем самым вопрос «снимается». Мы только подходим к разбору вопроса *по существу*, начиная с наиболее общих постановок проблемы, и постараемся показать, что тов. Преображенский неправ, и что его рассуждения стоят в вопиющем противоречии с основами экономической и общесоциологической теории Маркса.

Начнем с азов. В замечательном письме к Кугельману от 11 июля 1868 г. Маркс писал[1]):

[1]) *К. Маркс.* — «Письма к Кугельману», перевод М. Ильиной, под ред. Ленина. Гиз. Петербург. 1920 г., стр. 62.

«Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу, не говорю уже на год, а хотя бы на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей масс продуктов требуются различные и количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена *определенной формой* общественного производства; измениться может лишь *форма ее проявления.* Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь *форма,* в которой эти законы проявляются. А форма, в которой проявляется это пропорциональное распределение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде *частного обмена* индивидуальных продуктов труда,—эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов».

Другими словами: закон пропорциональных трудовых затрат, или, для краткости, «закон трудовых затрат» есть необходимое условие общественного равновесия *при всех и всяческих общественно-исторических формациях.* Он мо-

жет иметь разные «формы проявления». В частности, в товарном (и товарно-капиталистическом и в *любом* товарном) обществе он надевает на себя фетишистский костюм закона *ценности*. Закон ценности есть исторически-относительный закон, есть специфическая форма, «у которой написано на лбу», что она «принадлежит такой общественной формации, где производственный процесс владеет («bemeistert») людьми, а не люди производственным процессом» (Маркс[1]). В законе ценности нельзя видеть закон трудовых затрат — и *только*: ибо это значило бы отвлекаться от специфически-исторического значения и характера ценности. Но, с другой стороны, нельзя за общественно-исторической *формой* проглядывать материально-трудовое содержание этого закона. «Сущность» ценности, как исторической категории, состоит в ее фетишистском характере.

Но также мало можно отвлекаться от «надисторического» (т. е. свойственного всякому обществу в более или менее «нормальных»

[1]) Marx. — Das Kapital, B. I. Volksausgabe, s. 45.

условиях) материально-трудового «смысла» этой категории. В одном из подстрочных примечаний I тома «Капитала» Маркс в блестящей формулировке поясняет это:

«Ценностная форма продукта труда есть самая абстрактная, но в то же время наиболее общая форма *буржуазного способа производства,* который через нее характеризуется как особый тип (Art) общественного производства, следовательно— исторически. Поэтому, если в ней видят вечную естественную форму общественного производства, то обязательно проглядывают специфические особенности ценностной формы, следовательно, и товарной формы, далее развивая, денежные формы, формы капитала и т. д. Отсюда можно найти у экономистов, которые вполне согласны между собой относительно измерения величины ценности рабочим временем, самые пестро-причудливые и противоречивые представления о деньгах, т. е. о готовой форме всеобщего эквивалента... В противоположность этому возникла система реставрированного меркантилизма (Ганиль и т. д.), которая видит в ценности *лишь общественную форму, или, лучше сказать, только ее бессубстантную видимость* (substanzlosen Schein [1]).

[1]) Ibid., ss. 44—45. Fussnote. Курсив наш.

Маркс тщательно анализирует закон трудовых затрат: a) в условиях «патриархального производства» крестьянской семьи; b) в ассоциации «свободных людей», работающих при помощи общественных средств производства по плану, где «общественно-планомерное распределение (рабочего времени.—*Н. Б.*) устанавливает правильную пропорцию между различными трудовыми функциями и различными потребностями» [1]), наконец, c) в товарном хозяйстве, где закон трудовых затрат надевает на себя фетишистский наряд закона *ценности*. Таким образом, закон трудовых затрат — голенький или в костюме — оказывается обязательным и универсальным регулятором хозяйственной жизни.

А теперь вспомним, что говорит нам тов. Преображенский о переживаемой фазе «переходного периода». У него, как мы видели, налицо следующая цепь рассуждений: переходный период есть период борьбы социалистических начал с началами товарно-капиталистическими; это есть борьба плана со стихией; плану соответствует особый регулятор, стихии—тоже особый; пер-

[1]) Ibid., s. 42.

вым, так сказать, пролетарским регулятором, на данной стадии является закон первоначального социалистического накопления, вторым—буржуазным регулятором—является закон ценности; как пролетариат является антагонистом буржуазии, так закон первоначального социалистического накопления является антагонистом закона ценности. Поэтому в переходный период не может не быть *двух* регуляторов, борьба между которыми и составляет, так сказать, подоснову современной экономики, те основные движущие пружины всего механизма, которые показал нам автор разбираемой книги.

Из этого, как дважды два—четыре, вытекает, что по мере роста планового начала закон ценности перерастает, по *Преображенскому*, в закон *первоначального социалистического накопления.*

А из анализа *Маркса* тоже, как дважды два—четыре, вытекает, что закон ценности не может перерастать *ни во что иное, как в закон простых трудовых затрат,* и что *иное* «перерастание» является вопиющей чепухой.

В самом деле. О чем может итти вообще речь при переходе от стихийных регуляторов к

регуляторам сознательным? Может итти речь о том, чтобы выскочить из рамок закона, о котором Маркс говорит в письме к Кугельману? Достаточно поставить только вопрос, чтобы ясной стала вся бессмысленность отрицательного ответа. Ибо этот закон есть всеобщий и универсальный закон хозяйственного равновесия. Стало быть, речь может итти лишь о смене его (этого закона) общественной *формы*.

С этой точки зрения очевидно, что процесс победы социалистических, плановых начал есть не что иное, как процесс сбрасывания законом трудовых затрат своего греховного ценностного белья, т. е. *процесс превращения закона ценности в закон трудовых затрат, процесс дефетишизации основного общественного регулятора.*

Характерно для тов. Преображенского то, что он в двух-трех местах лишь вскользь упоминает о законе трудовых затрат, не видя, что тут-то и зарыта собака. Между тем, концепция самого тов. Преображенского поистине удивительна. Ведь у него выходит, что пролетарское, плановое начало является принципом борьбы не с ценностной оболочкой закона пропорциональ-

ных трудовых затрат, а принципом борьбы с этим законом, так сказать, по его материальному существу. Другими словами, пролетарский план состоит, по тов. Преображенскому, в том, чтобы систематически выводить общество из состояния равновесия, систематически ломать общественно-необходимую пропорцию между различными производственными отраслями, т. е. систематически бороться с тем, что является элементарнейшим условием существования общества. Нечего сказать, хорошенький «регулятор» придумал, во спасение социализма, тов. Преображенский! Правда, этакая «социальная технология» не обнаруживает ни «робости мысли», ни «консерватизма»: скорее она представляет собой своеобразный, я бы сказал, экономический *футуризм,* до того она противоречит традициям, в том числе, и в первую очередь, *марксистским* традициям. Но от такой «смелости» вряд ли поздоровится не только закону ценности, но и тому самому коллективному хозяйству, о благе коего столь печется тов. Преображенский.

Этим решается, в сущности, вопрос об одном регуляторе или двух основных регуляторах анта-

гонистического характера. Тов. Преображенский никак не может понять, что в данном случае речь не может итти об антагонизме *по существу материального содержания закона,* а что речь может итти лишь об антагонизме общественной *формы*. Нельзя себе представить дело таким образом, чтобы было два регулятора, антагонистических *по материальному существу*; это, как мы видим, является бессмысленным и с точки зрения действительности и с точки зрения несоответствия самым элементарным основам марксизма.

Итак, основная ошибка тов. Преображенского состоит в том, что он *процесс перерастания закона ценности в закон трудовых затрат «заместил» процессом перерастания его в свой излюбленный «закон первоначального социалистического накопления».*

Ради справедливости мы должны сказать, что у тов. Преображенского есть все же нечто, напоминающее некое контрвозражение, некий ответ на нашу позицию. А именно:

«Второе, что надо отметить, — это, повидимому, происходящее смещение пропорциональности

в хозяйстве, которая об'ективно необходима для каждой системы общественного производства, с разделением труда, с исторически преходящим методом достижения такой пропорциональности на основе закона ценности. Правильное, пропорциональное распределение труда нужно и для капитализма, и для социализма, и для нашей теперешней товарно-социалистической системы хозяйства. Но если бы даже было доказано,—а я показал невозможность такого доказательства,—что фактически складывающееся у нас на основе борьбы распределение производительных сил каким-то чудом соответствует тому распределению, которое сложилось бы у нас при господстве капиталистических отношений на основе действия закона ценности, т. е. что пропорции внутри коллективного производства на данной стадии индустриализации страны соответствуют капиталистическим, то *даже и тогда* еще не было бы доказано положение об едином регуляторе. Откуда следует, что нужные нам пропорции *диктуются* законом ценности как регулятором и только через него могут быть найдены, раз закон ценности исторически и, если хотите материально, физически связан, неотделим от товарного производства как производства, где господствует частная собственность на орудия производства?.. Почему невозможно такое положение, что мы нужные пропорции находим *в основном* нашими методами?.. А если это возможно, если это возможно

хотя бы наполовину, то говорить, что у нас в основном один регулятор, значит грубейшим образом смешивать проявление этого закона при капитализме с той об'ективно-хозяйственной необходимостью в пропорциональности, которая существует не для одного только товарного и товарно-социалистического хозяйства и не только капиталистическими методами может устанавливаться. При товарно-социалистической системе как раз эта пропорциональность может устанавливаться *только* (автор) на основе борьбы с законом ценности, она всегда будет равнодействующей борьбы, хотя бы направление действия закона ценности и закона социалистического (первоначального?—*Н. Б.)* накопления совпадали иногда, в частных случаях, в реальной обстановке» (стр. 47—48).

В этой длинной тираде самым причудливым образом перепутано и переплетено верное с вопиюще неверным. Правильно то, что мы можем находить пропорции своими методами, но неправильно то, что наши методы противоречат материальному содержанию закона ценности. Правильно то, что закон ценности есть специфическая принадлежность товарного общества. Но неправильно утверждение, будто он сменяется законом первоначального социалистического

накопления, который к тому же обязан противоречить закону ценности по материальному существу. *Вопиюще* неправильно заключительное положение, будто пропорцианальность у нас может устанавливаться «*только в борьбе*» с законом ценности. Правильным является общее положение о том, что при капитализме пропорции были бы иные. Но неправильными являются те выводы, которые отсюда делаются. И т. д., и т. п.

Нам необходимо остановиться здесь на нескольких вопросах более подробно, ибо они являются новыми, мало разработанными, а тов. Преображенский дает на них явно неудовлетворительный ответ. Мы берем здесь, в связи с только что приведенной цитатой, два вопроса: вопрос о пропорциях при социально-различном общественном типе отношений и вопрос о соотношении между ценностью, трудовой затратой и проблемой накопления. Разумеется, мы — на данной стадии анализа — ограничиваемся лишь самой общей постановкой вопроса и притом под углом зрения того спора о «регуляторах», о котором идет речь в настоящей главе.

К первому вопросу мы подойдем вот с какого конца. Оставим пока в стороне вопрос об общественной форме закона трудовых затрат. Тогда перед нами будет то положение, которое выставил Маркс в цитированном письме к Кугельману. Спросим себя, однако: как же возможно то обстоятельство, что один и тот же по своему материальному существу регулятор приводит к самым разнообразным явлениям в области экономических отношений? Разве, в самом деле, в разных общественных структурах мы имеем одинаковые пропорции между различными производственными отраслями? Разве динамика этих пропорций и соотношений та же? Наконец, что означает громаднейшее различие *в темпе* развития? Возьмите развитие феодального общества и бешеный бег капитализма. Или сравните темп развития первобытной общины с темпом развития при социализме. Как же все это увязывается с единым по существу регулятором, законом трудовых затрат?

Мне кажется, что примерно такие вопросы смутно стоят и перед тов. Преображенским. Ему хочется, чтобы у нас развитие шло

быстрее, чем при капитализме. Это вполне законное «хотение». А так как нам,— думает тов. Преображенский,—нужна более быстрая индустриализация, чем раньше, более быстрый темп накопления, то, очевидно, у нас должен быть другой закон. Как видит читатель, мы ставим этот вопрос в *общей* форме. На него и нужно дать в первую голову ответ. В каждом обществе производство есть способ удовлетворения потребностей, которые, как выражается в одном месте Маркс, «связаны между собою в одну естественную систему». Совокупное рабочее время распределяется между отдельными производствами, в целом удовлетворяющими—худо ли, хорошо ли—эти потребности. В организованных обществах это выражается в хозяйственном *плане*. В товарном хозяйстве «постоянная тенденция различных сфер производства к равновесию обнаруживается лишь как реакция против постоянного нарушения этого равновесия. Норма, применяемая при разделении труда в мастерской a priori и планомерно, при разделении труда внутри общества действует лишь a posteriori, как внутренняя, слепая сила природы, которая

подчиняет себе беспорядочный произвол товаропроизводителей и воспринимается только в виде барометрических колебаний рыночных цен» («Капитал», I, стр. 320—321, пер. Степанова и Базарова).

Возьмем теперь *механику* «регулирования». Пусть перед нами общество простых товаропроизводителей. Здесь мы имеем: невозможность массового применения труда (производство маленькое, раздроблено), узкие рамки раздвижения потребностей; регулирование (стихийное) проходит через колебание цен вокруг ценности; спрос и предложение, конкуренция простых товаропроизводителей обусловливают поступательное движение. Возьмем капиталистическое общество. Здесь налицо массовое применение концентрированного труда. Распределение его регулируется в обществе тоже, в конце концов, ценностью. Но цены колеблются не непосредственно вокруг ценности: цены колеблются вокруг «производственных цен» (издержки производства плюс средняя прибыль); «средняя норма *прибыли*» составляет специфическую «душу» этого механизма. Механизм конкуренции

движется *прибылью*; возможности *накопления* появляются и действуют с величайшей силой. Следовательно, закон ценности остается и здесь регулятором. Но весь *механизм*—иной, чем в простом товарном хозяйстве. Закон ценности, действует *иначе*, в иных *условиях*, с другим *трансмиссионным аппаратом*. И *поэтому* мы имеем иной тип развития и иной темп его. А так как этот темп производства связан с ростом новых потребностей, а эти последние опять-таки связаны и с различными группировками *людей* (по классам, по их доходам и т. д.), то все время меняется по своему внутреннему составу и «естественная система потребности», что, в свою очередь, обратно отражается и на производстве, в том числе и на внутрипроизводственных пропорциях. Одновременно—что мы особенно подчеркиваем—происходит *постоянное качественное перерождение ряда основных категорий:* простой труд превращается в более сложный, а сложный передвигается на ступеньку еще большей сложности; «средняя интенсивность труда» тоже передвигается и т. д., и т. п. Вместе с тем меняется масштаб общественно-необходи-

мого рабочего времени. Все относящиеся сюда масштабы соответственно передвигаются. Устанавливающееся равновесие каждый раз устанавливается на *новой* основе, но закон продолжает свое действие именно потому, что и сами-то масштабы стали иными. Чем быстрее идет процесс нарушения и последующего восстановления экономического равновесия, тем быстрее происходит и перерождение вышеупомянутых категорий.

Возьмем теперь социалистическое общество. Здесь об'ективный закон трудовых затрат совпадает с сознательно-проводимой нормой трудовых затрат. Колебания идут, во-первых, по линии статистических просчетов (но, как это вполне понятно, характеристика этих колебаний *не* та: это не колебания вверх и вниз, подобные колебанию цен вокруг ценности); во-вторых, основой является здесь сознательное и a priori устанавливаемое постоянное повышение производительности труда (с соответствующим изменением трудовых измерителей). Масса труда применяется концентрированно. Стимул движения—не прибыль, а покрытие потребностей

масс, при величайшей экономии живого труда. Последнее обстоятельство резко отличает весь *механизм*, опосредствующий проявление закона трудовых затрат, от соответствующего механизма при капиталистическом режиме. С другой стороны, «естественная система потребностей» и ее динамика тоже иная, благодаря отсутствию «двухбюджетной системы» (нет классов, отсутствуют разные качественно-потребительские бюджеты общественных слоев). Этот социалистический механизм, через который действует закон трудовых затрат, как мы видим, резко отличается от капиталистического. Поэтому тип развития и темп его—иные. А закон трудовых затрат продолжает оставаться основным регулятором всего процесса, да притом еще в максимально «чистом» виде.

Итак, ответ на наш общий вопрос ясен: механизм, опосредствующий действие закона трудовых затрат (или закона ценности как исторической формы этого всеобщего закона), решает дело. А закон остается все же единственным регулятором на всех стадиях развития. Нелепо говорить, например, что при капитализме

есть *два* закона: закон ценности и закон производственных цен; нелепо говорить о том, что один закон противоречит другому, ибо закон производственных цен есть тот механизм, *через* который проявляет свое действие закон ценности.

Также нужно поставить и вопрос о законах переходного периода.

В чем специфическое отличие этих законов? В том, что здесь происходит процесс перерастания закона ценности в закон трудовых затрат—это первое обстоятельство, которое должно быть отмечено. Далее. При анализе капитализма можно было отвлекаться от всех некапиталистических элементов. Маркс анализировал «чистый капитализм». Между тем, для теории переходного периода наиболее абстрактной постановкой вопроса может быть только такая постановка его, которая предполагает гоcпромышленность и простое товарное хозяйство крестьян. От этих «третьих лиц» отвлекаться нельзя, ибо проблема *переходного* периода, как такового, становится бессмысленной вне этого соотношения. Наконец, более конкретная сту-

пень абстрактного анализа предполагает «осложняющий момент» частного *капитала*. Таким образом, мы имеем *разные* формы действия закона трудовых затрат: и как закона трудовых затрат, и как закона ценности, и как закона производственных цен, т. е. модифицированного закона ценности. А все эти варианты, само собой разумеется, в их сплетении дают своеобразный результат и своеобразную закономерность. Но при всем разнообразии этих форм они сводятся к некоему единству.

Процесс перерастания закона ценности в закон трудовых затрат находит свое выражение в том, что в порядке *плана* «цены» в своей полуфиктивной функции (т. е. уже не как цены, определяемые с точки зрения «барометрических колебаний рынка») складываются сознательно *иначе*, чем они складывались бы стихийно.

Но это ни в малой степени не значит, что здесь есть нечто, противоречащее закону пропорциональных трудовых затрат. Наоборот, здесь есть предварительная антиципация (предвосхищение) того, что при стихийном регулировании устанавливалось бы post festum. С другой сто-

роны, как мы показали выше, дело не только в антитезе общественных форм трудовой затраты (ценность, с одной стороны, и просто трудовые затраты — с другой). Так как весь опосредствующий механизм, производственные стимулы, соотношение между производством и потреблением и т. д. — *иные*; так как не средняя прибыль, а покрытие массовых потребностей все более и более становится (хотя и постепенно) основным принципом производственной плановой деятельности, то и производственные пропорции будут иные, чем при частнокапиталистической структуре общества. В заключение — несколько самых общих соображений насчет социалистического накопления и закона ценности (или трудовых затрат). Когда мы говорим о нашем хозяйственном росте *на основе рыночных отношений* (это есть «смысл» нэпа с известной точки зрения), то тем самым мы опровергаем тезис о *противопоставлении* социалистического накопления *(даже)* закону ценности. Фигурально говоря, мы и закон ценности заставляем служить нашим целям. Закон ценности «помогает» нам и — как это ни странно

звучит—тем самым подготовляет свою собственную гибель.

Мы здесь ограничились самыми общими соображениями. Дальнейший разбор книги тов. Преображенского покажет нам, как эти формулы должны быть переложены на более конкретный язык.

III. «ЗАКОН ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО НАКОПЛЕНИЯ», ИЛИ ПОЧЕМУ НЕ СЛЕДУЕТ МЕНЯТЬ ЛЕНИНА НА ПРЕОБРАЖЕНСКОГО

ПЕРЕХОДИМ теперь к анализу теоретической оси всех суждений тов. Преображенского, к анализу его «закона первоначального социалистического накопления». Прежде, чем погрузиться в эту тайну советского бытия, дадим слово тов. Преображенскому на предмет выяснения роли и значения этого «закона». Тов. Преображенский пишет:

> «...Мы не только можем говорить о первоначальном социалистическом накоплении, но мы ничего не сможем понять в существе советского хозяйства, если не поймем той центральной роли, какую играет в этом хозяйстве закон первоначального социалистического накопления, который определяет, в борьбе с законом ценности, и распределение средств производства в хозяйстве, и распределение рабочих сил, и размеры отчуждения прибавочного продукта страны для расширенного социалистического воспроизводства» (стр. 58, курсив автора).

Тов. Преображенский здесь, можно сказать, прямо терроризует читателя. Шутка сказать! Не принимаешь «закона», значит ничего не понимаешь *«в СУЩЕСТВЕ советского хозяйства»*. Ну, как же здесь не впасть в ничтожество всякому робкому мыслью человеку, который неспособен на отважное признание «делающего эпоху» открытия тов. Преображенского?.. Нам, однако, кажется, что вполне правильной была бы такая переделка положения тов. Преображенского: ничего нельзя понять *в существе его ПОЗИЦИИ*, если не отдать себе отчета в его «законе первоначального социалистического накопления». Но одно дело—советское бытие, а другое дело—сознание тов. Преображенского. Весь спор ведь и сводится к тому, насколько его теоретическая позиция *верна*, т. е. насколько она «соответствует действительности».

«Существо» этой позиции автора «Новой экономики» состоит, как сказано, в «законе первоначального социалистического накопления». Этот «закон» предполагает самый *процесс* «первоначального социалистического накопления», по аналогии с первоначальным *капиталисти-*

ческим накоплением. Если вынуть из построений тов. Преображенского это «первоначальное социалистическое накопление», то разом обрушивается все здание «Новой экономики». Ничего, *ровно ничего*, не остается тогда от всей теории тов. Преображенского.

Мы уже приводили выше мнение тов. *Ленина* о «первоначальном социалистическом накоплении», как о *«детской игре»*. Это суровое мнение пролетарского вождя и крупнейшего теоретика нашего времени *уничтожает* тов. Преображенского. Но нам, конечно, недостаточно того, что «magister dixit» («сказал учитель»). Нам нужно *понять*, почему прав Ленин против Преображенского, а не Преображенский против Ленина. К разбору этой темы мы и приступаем.

Вспомним, прежде всего, что понимал Маркс под «так называемым первоначальным накоплением», которому посвящена знаменитая двадцать четвертая глава первого тома «Капитала».

Как *подходил* Маркс к этому вопросу? В самом начале главы он пишет:

«...накопление капитала предполагает прибавочную ценность, прибавочная ценность—капитали-

стическое производство, а это последнее — наличие более значительных масс капитала и рабочей силы в руках товаропроизводителей. Все это движение вертится, повидимому, в порочном кругу, из которого мы можем выбраться лишь тогда, если предположим некое, предшествовавшее капиталистическому накоплению «первоначальное накопление» («previous accumulation» у Адама Смита), накопление, которое является не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом» (Das Kapital, I, 644—645).

Как определял Маркс *методы* первоначального накопления? Вот как:

«В действительной истории, как известно, завоевание, порабощение, грабеж и убийство, словом—насилие, играют огромную роль. В смиренно мудрой и елейной (sanft) политической экономии царила испокон веков (von jeher) идиллия. Право и «труд» издавна были единственными средствами обогащения, натурально, за исключением каждый раз «этого года». В действительности методы первоначального накопления были какими угодно, но только не идиллическими» (ibid., 645).

В чем состоит историко-экономическая *суть* так называемого «первоначального накопления» по Марксу?

«Так называемое первоначальное накопление есть не что иное, как исторический процесс отделения

> производителя от средств производства. Оно является в качестве «первоначального» потому, что оно образует предисторию капитала и соответствующего ему способа производства» (стр. 646).

Какие главные *исторические моменты* выражают, по Марксу, период так называемого «первоначального накопления»?

> «Исторически делающими эпоху в истории первоначального накопления являются все перевороты (Umwälzungen), которые служат рычагом в руках образующегося класса капиталистов; но, прежде всего, те моменты, когда огромные человеческие массы внезапно и насильственно (plötzlich und gewaltsam) отрываются от своих средств к жизни и как стоящие вне закона пролетарии (vogelfreie Proletarier) выбрасываются на рынок труда. Экспроприация сельскохозяйственного производителя, крестьянина, отделение его от земли, представляет основу всего процесса» (стр. 647).

Мы нарочно привели все эти выписки из Маркса; они вполне достаточно характеризуют так называемое «первоначальное накопление» с разных точек зрения: и с точки зрения постановки вопроса, и с точки зрения «методов», и с точки зрения исторической сущности процесса, и, наконец, с точки зрения его главных моментов.

Одно небольшое предварительное замечание. Нам кажется совершенно неправильным переносить «предисторию капитализма» на его историю, да еще притом на *всю* его историю. Такая тенденция наблюдается у ряда наших экономистов. Основанием здесь служили и служат следующие соображения: ведь история капитализма полна разорением крестьянства, колониальными грабежами, постоянной экспроприацией мелкого производства, на ряду с самыми «брутальными» методами соответствующей политики. А все это моменты «первоначального накопления».

Эти соображения, по-нашему, глубоко неправильны. Здесь упускается *главное*: то, что, по Марксу, «так называемое первоначальное накопление» есть «*не* результат, *а* исходный пункт» капиталистического развития. Поэтому было бы бессмысленно подводить, например, современный империализм, поскольку он направлен против «третьих лиц» и служит орудием их «пожирания» и «экспроприации», под рубрику «первоначального накопления». Что-либо одно из двух: либо период первоначального накопления берется

именно как «предистория», и тогда *он строго ограничен во времени* (он помещается *до* истории капитализма как такового); либо мы видим в нем процесс вытеснения «третьих лиц» вообще— и тогда нужно *ликвидировать самое понятие*, ибо оно ничего *особого*, специфического и т. д. в таком случае не выражает.

Мы полагаем, однако, что Маркс был прав. «Так называемое первоначальное накопление» есть нечто специфическое. Это есть историческая *предпосылка* капитализма, его «предистория» в противоположность его действительной истории. «Так называемое первоначальное социалистическое накопление» не есть об'ект *теоретического* анализа для политической экономии (это есть об'ект социологического и историко-экономического анализа). Для теории политической экономии это есть точно так же лишь *историческая предпосылка*. Между тем, процесс дальнейшего вытеснения докапиталистических форм, а равно проблемы империализма и т. д.—представляют материал и для теоретическо-экономического анализа. Никак нельзя выхолащивать понятие «первоначального нако-

пления», лишая его специфических исторических черт («предисторический» характер, насильственные методы, «перевороты» (Umwälzungen), внезапный и насильственный характер процесса и т. д.). Ведь Маркс яснее ясного говорит: «Оно (так называемое первоначальное накопление.—*Н. Б.*) является в качестве «первоначального» *ПОТОМУ*, что оно образует предисторию капитала». Смешивать его с *историей*—это значит *целиком* отступать от марксовой постановки вопроса и вместо крепкого вина подавать постную «теоретическую» жидель.

Переходим теперь к тов. Преображенскому.

Развивая положение, что социализм как определенная структура общества не может целиком (т. е. и со своей производственной верхушкой) вызревать в пределах капитализма[1]), и указывая, что «этот факт имеет колоссальное значение для понимания не только генезиса социализма, но и всего последующего строи-

---

[1]) См. по этому вопросу нашу давнишнюю статью о буржуазной и пролетарской революции (перепечатана в сборнике «Атака») и ср. с нею соответствующие положения Преображенского.

тельства» (стр. 53), тов. Преображенский продолжает:

«Следовательно, если социализм имеет свою предисторию, то она может начинаться только после завоевания власти пролетариатом. Национализация крупной промышленности и есть такой первый акт социалистического накопления» (стр. 54).

Однако, это тов. Преображенскому мало для аналогии с капитализмом. Он идет гораздо дальше в своей исторической параллели.

Вот как он определяет разницу между *социалистическим* накоплением и накоплением *первоначально*-социалистическим (мы даем здесь два варианта, первый — *до* полемики с моей стороны и второй—*после* полемики):

I

«*Социалистическим* (автор) накоплением мы называем присоединение к основному капиталу производства прибавочного продукта, который не идет на добавочное распределение среди агентов социалистического производства и социалистического государства, а служит для расширенного воспроизводства. Наоборот, *первоначальным социалистическим* накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов, главным образом, из источников, лежащих

вне комплекса государственного хозяйства. Это накопление в отсталой крестьянской стране должно играть колоссально важную роль, в огромной степени ускоряя наступление момента, когда начнется техническая и научная перестройка государственного хозяйства, и когда это хозяйство получит, наконец, чисто экономическое преобладание над капитализмом. Правда, в этот период происходит и накопление на производственной основе государственного хозяйства. Однако, во-первых, это накопление также носит характер предварительного накопления средств для подлинного социалистического хозяйства и этой цели подчинено. А во-вторых, накопление первым способом, т. е. за счет негосударственного круга, явно преобладает в этот период. Поэтому весь этот этап мы должны назвать периодом первоначального, или предварительного, социалистического накопления» («Вестник Комм. акад.», 1924 г., кн. 8, стр. 54).

II

«*Социалистическим* (автор) *накоплением мы называем присоединение К ФУНКЦИОНИРУЮЩИМ СРЕДСТВАМ ПРОИЗВОДСТВА* прибавочного продукта, *КОТОРЫЙ СОЗДАЕТСЯ ВНУТРИ СЛОЖИВШЕГОСЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА* и который не идет на добавочное распределение среди агентов социалистического производства и социалистического государства,

а служит для расширенного воспроизводства. Наоборот, *первоначальным социалистическим* накоплением мы называем накопление в руках государства материальных ресурсов, главным образом, *ЛИБО ОДНОВРЕМЕННО* из источников, лежащих вне комплекса государственного хозяйства» («Новая экономика», *стр.* 58). (Дальше без изменений; курсивом подчеркнуты изменения в начале текста).

Тов. Преображенский, как видит читатель, принял ряд наших указаний, отказавшись от складывания капитала с продуктом, отказавшись от смешения основного капитала с функционирующим капиталом вообще и т. д. Это хорошо. Но плохо то, что *другими* своими поправками тов. Преображенский ухудшил еще более свою позицию.

В самом деле. Тов. Преображенскому мы указывали (см. «К вопросу о троцкизме», стр. 96) на то, что при его формулировке нельзя понять, где же собственно у него границы «первоначалия». Если (см. I вариант) речь идет о чисто экономическом преобладании госхозяйства, то это по сути дела дано весьма быстро (закон крупного производства). Но тогда это противоречит «закону», явно рассчитанному на более

длительный период. Мы указывали также на то обстоятельство, что если, с другой стороны, речь идет о преимуществах над странами Запада и Америки (что при абстрактном исследовании, на его первой ступени, впрочем *недопустимо*), то тогда, наоборот, процесс растягивается на очень большие сроки. Тов. Преображенский не остановился в своем ответе на этом пункте. Но что он *сделал*? Он определил теперь (см. II вариант) социалистическое накопление как такое, где *ни одна «копейка»* не получается из несоциалистического круга! И *первоначальное* социалистическое накопление он определил как такое, где есть хоть одна единственная «копейка» из несоциалистического круга («либо одновременно» во II варианте)!

Если брать всерьез аналогии и от такого определения «первоначального социалистического накопления» обратиться к определению «так называемого первоначального капиталистического накопления», то в «предисторию» капитализма *попал бы весь буквально капитализм*, вплоть до его смерти, ибо капитализм получает добавочные прибыли от «третьих лиц» во все время

своего существования; нет и не будет такого этапа в жизни капитализма, когда ему не перепадали бы прибыли на основе эксплоатации «третьих лиц».

Ну, а теперь как же обстоит дело с «первоначальным *социалистическим* накоплением»? Нетрудно понять, что до тех пор, пока будет разница производственных структур и техническое преимущество крупного, да притом еще планового хозяйства, то даже при обмене эквивалентов, выравниваемых по «общественно-необходимому труду», госфабрика и госзавод всегда будут в выигрыше по отношению к остаткам кустарничества, ремесла и т. д. Считать периодом *«первоначального* социалистического накопления» весь тот период, пока хоть одна копейка будет притекать от кустарей, ремесленников или крестьян в фонд промышленного накопления—это значит поистине «историю» смешивать с «предисторией», а предисторию так растягивать во времени, что самое понятие теряет всякий смысл.

Что же можно было *бы* — весьма условно — назвать «периодом первоначального социалисти-

ческого накопления»? Так можно было бы назвать *только* акт «экспроприации экспроприаторов» с сопутствующими ему мероприятиями. Если капиталистическое первоначальное накопление характеризовалось как раз'единение производителей со средствами производства, то тут налицо их об'единение; применение насилия, характеристика процесса как «переворотов», «внезапность и насильственность» процесса, наконец, характеристика процесса как исторической предпосылки и «исходного пункта» развития, а не его «результата», — все это элементы сходства. Но все же термин «первоначальное социалистическое накопление» является *«детской игрой»*. Почему? Да потому, что эта «детская игра» прикрывает особенности нашего развития, притягивает за волосы факты, многое ставит в *совершенно неверную перспективу*. У нас экспроприация—это экономическая революция против только что бывших господствующих классов; в период первоначального капиталистического накопления — *не* революция и *не* против старых господ, а разорение крестьян; там — создание необходимого классового полюса; у нас — ничего похожего; там

дальнейшие мероприятия идут по *той же линии дальнейшей экспроприации «третьих лиц»*; у нас проблема экспроприации направлена *против буржуазии и помещиков*, а *главная*, дальнейшая проблема, о которой идет речь у тов. Преображенского, это проблема *мелкого производителя*, т. е. *другого* класса; там дальнейшая эволюция идет под углом зрения *разорения*, вытеснения или, если хотите, «пожирания», здесь — под углом зрения *«ужиться»*, «переделать», «ассимилировать» и т. п. При таком положении вещей те параллели и аналогии, которые построил тов. Преображенский, и не могут быть ничем иным, как детской игрой в термины. Пора выходить уже из детского возраста. Пора перестать ставить серьезные вопросы по-детски.

Вот почему здесь целиком *прав* Ленин и целиком *неправ* тов. Преображенский.

Эмпирические факты, которые легли в основу целой «теории» первоначального социалистического накопления, это, раньше всего, факты эпохи гражданской войны и голодных годов, период продразверстки и почти остановившейся промышленности. В условиях совершенно исклю-

чительных, в условиях неимоверного разорения и величайшего падения производительных сил «экономика» представляла своеобразную картину: «город» проедал свои остатки, «деревня» «кормила» город. Продразверстка была формой, в которой город в известной степени жил за счет деревни. Это было время, когда Ленин, обращаясь к деревне, говорил: «дайте нам хлеб в *ссуду*». Эмпирический факт частичного содержания города за счет деревни был, таким образом, налицо. Но, 1) это был период, когда отсутствовал сколько бы то ни было нормальный процесс общественного воспроизводства, 2) самый характер лозунга «ссуды» указывает на совершенно специфическое отношение. Попробуйте вложить этот лозунг в уста рыцарей первоначального накопления!

Наконец, никто не станет отрицать, что промышленность получает и будет получать в фонд своего накопления добавочные ценности от мелких производителей. И поистине комичное впечатление производит тов. Преображенский, когда он пишет по этому поводу в своем ответе:

«Признав это, т. е. признав и факт и неизбежность неэквивалентного обмена с частным хозяйством, во всяком случае активный баланс при обмене веществ на стороне государственного хозяйства, он (Бухарин.—*Н. Б.*) признал *мою основную постановку вопроса (!)* и тем самым лишил себя возможности вести принципиальный спор по существу всех выводов из этого положения» («Новая экономика», стр. 214).

Мне это «возражение» напомнило один факт из довольно отдаленного прошлого. Когда мы с В. В. Оболенским сидели в тюрьме, вместе с нами сидел один эсер, прозванный нами сологубовским «тихим мальчиком». Во время одной из дискуссий, когда я сказал, что крестьяне вовсе не исчезнут все до наступления пролетарской революции, тогда поднялся—торжественный — «тихий мальчик» и неожиданно громко заявил: «*Первая* уступка!». Так вот, тов. Преображенский буквально копирует здесь «тихого мальчика». Это еще более смешно вот почему: сам тов. Преображенский соглашается со мною, что «в основе» его закона «лежит простой трюизм» (стр. 248) и что «дело все в дальнейшей цепи выводов» (там же). Вот мы и начнем

помаленьку подбираться к конкретной характеристике различных положений тов. Преображенского, связанных с его «законом», чтобы потом опрокинуть навзничь и «закон» и «цепь выводов».

«*Основная, совершенно недопустимая ошибка* (если это ошибка) тов. Бухарина,—пишет тов. Преображенский, не могущий, конечно, обойтись без «заподазриваний»,—которую он проводит на протяжении всей статьи и которая заставляет его бить на версту от цели по основному вопросу спора, заключается в следующем: моя статья является попыткой теоретического анализа советского хозяйства или, скромно выражаясь, попыткой приступа к такому анализу. Наше советское хозяйство делится на государственное и частное. Государственному хозяйству присущи свои закономерности в развитии, частному—свои. Но и то и другое входит в единый организм всего хозяйства Союза в целом. Для теоретического анализа методологически *необходимо рассмотреть отдельно и те и другие закономерности*, а *потом* уж об'яснять, как получается *равнодействующая* реальной жизни. Но рассматривать тенденции развития государственного хозяйства необходимо в *их чистом виде*, т. е. проанализировать их так, как *если бы развитие государственного хозяйства шло, не встречая сопротивления частного хозяйства, рассматривать закономерность оптимума*. Это

есть единственный правильный метод, унаследованный нами от Маркса. Только он дает нам возможность разобраться в пестрых фактах реальной жизни и понять внутренний смысл всего происходящего.

А что же делает тов. Бухарин?

Он анализ закономерности развития государственного хозяйства (анализ, при котором приходится временно абстрагироваться от экономического и политического сопротивления частного хозяйства) и выводы из такого анализа *смешивает с реальной экономической политикой* пролетарского государства и, понятно, *БЕЗ ОСОБЕННОГО ТРУДА «ОТКРЫВАЕТ» ЗДЕСЬ ПРОТИВОРЕЧИЕ.* Я не знаю, как назвать такое смешение, такую ошибку. Тов. Бухарин прекрасно понимает, в чем тут разница. Он сам не раз с успехом применял тот же метод исследования в своих экономических работах... Одно из двух: или он отказывается понимать теперь сущность этого метода анализа, что мало вероятно, либо он теоретическую добросовестность исследования принес в жертву задачам полемики сегодняшнего дня. И тогда он должен быть сфотографирован на месте преступления» (стр. 210—211, курсив наш).

Итак, видите ли, я «без особенного труда» «открыл» у тов. Преображенского противоречия, но в этом я как раз и виновен, ибо—из гнусной

склонности к политике — я недобросовестным образом, оказывается, нарочно смешал категории «чистого» теоретического анализа тов. Преображенского с реальной эмпирической равнодействующей, поступил как вульгарный экономист, и все в угоду той же неизменной политике.

Ну что ж, будем «ответ держать». Приведем только еще одно место из ответа тов. Преображенского на мою первую статью против него. Его «закон» состоит, как известно, в том, что происходит переливание ресурсов из сектора «частного хозяйства» в сектор государственного хозяйства, причем этот закон «отменяет» и закон ценности и многое другое.

Я указывал тов. Преображенскому на то, что самый факт переливания существует, но что «цепь выводов» у него не та, и что его формулировка по существу сводится к лозунгу «бери без оглядки больше», что неверно ни экономически, ни политически, что приводит к краху рабоче-крестьянского блока и т. д. («низменная политика»!). Так вот, развивая мысль, приведенную в предыдущей цитате, тов. Преображенский пишет:

«... поскольку для государственного хозяйства неизбежна экспансия также и за счет частного хозяйства, то необходимо выяснить, через какие каналы идет этот поток средств в него и каковы тенденции развития государственного хозяйства в этом направлении, *взятые в их чистом виде, т. е. отвлекаясь от сопротивления среды частного хозяйства, а тем самым и от реальной политики*, которую по *экономическим* и политическим соображениям *приходится* (последний курсив автора.—*Н. Б.*) проводить рабочему государству. Идут ли *стихийные* (!?—*Н. Б.*) тенденции государственного хозяйства в его развитии за счет частного производства дальше того, что реально достижимо для экономической политики государства? Разумеется, идут. Но значит ли это, что *научный анализ* (курсив автора) этих тенденций, *формулировка оптимума этих тенденций* означают критику экономической политики государства и партии? Критику политики, которая, какова бы она ни была, *всегда* (автор) будет расходиться с оптимумом? Вопрос достаточно бессмысленный. Но этот бессмысленный вопрос вынуждает нас ставить тов. Бухарин, который ни единым словом не предупреждает читателя, что моя статья посвящена не экономической политике государства, а теоретическому анализу основных закономерностей нашего хозяйства» (стр. 212—213).

Так «фотографирует» меня «на месте преступления» тов. Преображенский. А я утверждаю, что именно с теоретической точки зрения ничего, кроме *вздора*, в его вышеприведенных суждениях *нет.* Будем разбирать пункт за пунктом, преследуя товарища «фотографа» по пятам. Начнем с конца.

Тов. Преображенский сетует на меня, что я «ни единым словом» не «предупредил читателя»: его статья-де «теоретический анализ основных закономерностей нашего хозяйства», а вовсе не анализ «экономической политики государства». Каюсь, не «предупредил». И не «предупредил» по той простой причине, что радикально расходился и расхожусь с тов. Преображенским в оценке его статьи: *претензия* на вышеупомянутый анализ у него есть, а *самого анализа*, по-моему, нет и нет. Я и сейчас вновь перелистываю главу о «законе»: вопрос о «колониальном грабеже» (стр. 62), «отчуждение... прибавочного продукта из всех досоциалистических форм» (стр. 62), «обложение частнокапиталистической прибыли» (стр. 64), вопрос о государственных займах (стр. 64—65), эмиссия (стр. 65), железнодорожные

тарифы (стр. 70), монополия банковской системы и кредитная политика (стр. 70—73), торговля внутренняя и внешняя (стр. 73—84), «политика цен» (так и написано, стр. 84—89) и т. д., и т. п. с последующими рассуждениями на тему, что социализм борется с капитализмом и, чтобы победить, должен накапливать за счет частного хозяйства—и чем больше, тем лучше—вот все содержание работы. Тов. Преображенский *проповедует* абстрагирование от политики, а кроме политики у него, по существу дела, *ничего и нет:* только политика у него *плохая*, о чем я в свое время и «предупреждал». *Теоретический* анализ должен был бы показать, какими об'ективными законами детерминируется наша политика, как изменяется соотношение между производством и потреблением, куда растет динамика пропорций между отраслями производства, как трансформируется закон ценности в закон трудовых затрат, какой новый опосредствующий механизм закона трудовых затрат появляется в переходный период, где границы нашей политики и т. д. Но этого читатель *не* найдет у тов. Преображенского. Теоретического анализа хозяй-

ства, вопроса об об'ективных закономерностях, переходящих—через наши головы—в нормы, у него как раз и *нет*. Проповедуя абстрагирование от политики во славу теории, тов. Преображенский в действительности «абстрагировался» от теории во славу политики.

Но для чего же нужны тогда тов. Преображенскому эти протесты против политики? Для того, чтобы обосновывать *плохую* политику. Как это происходит, читатель увидит ниже. Сейчас мы поворачиваем руль и принимаемся за разбор теоретических «возражений» тов. Преображенского, с классической ясностью устанавливающих корни его ошибок и наиболее «интересные» из них, т. е. прямо «вопиющие к небу».

1. Методологическая установка при выведении закона. Тов. Преображенский не продумал методологического *своеобразия* теории переходного периода. Он рассуждает очень просто. Маркс исследовал тенденции капитализма в «чистом виде». Вот вам установка. Отсюда тов. Преображенский «выводит» метод для «новой экономики»: у нас есть госхозяйство и у нас есть частное хозяйство. Выведем законы госхозяйства в «чи-

стом виде», а затем будем определять «равнодействующую». Вот что предлагает тов. Преображенский.

Видимость правоты здесь есть. Но только видимость. В действительности же все построено на неверной аналогии. Маркс, отбрасывая докапиталистические формации и упрощая картину, анализировал «чистый капитализм». Если бы мы отбросили «третьих лиц», то у нас бы получился «чистый социализм», а вместе с тем исчезли бы все категории и все проблемы переходного периода. Попробуйте отбросить все мелкобуржуазное окружение. Тогда проблема ценности исчезнет *вовсе*, исчезнут такие формы, как форма заработной платы и т. д. Не останется ничего «переходного» даже в этом кругу «государственного хозяйства». Если бы речь шла о теории *социалистического* хозяйства (как у Маркса идет речь о теории *капиталистического* хозяйства), тогда тов. Преображенский был бы прав в своей установке, и предельной абстракцией было бы абстрактное госхозяйство, т. е. по существу дела хозяйство социалистическое. Но если ставить перед собой задачу исследования переходного

хозяйства в его историческом своеобразии, то необходимо брать в качестве *предельной* абстракции двухклассовое общество, т. е. *комбинацию* пролетарской госпромышленности и крестьянского хозяйства. От внешней торговли (как бы эмпирически она ни была важна) абстрагировать можно и—на первых ступенях анализа—даже *должно* (чего отнюдь не делает тов. Преображенский); но абстрагировать от «третьих лиц» при анализе переходного периода недопустимо; это и значит выбрасывать все *специфические* теоретические проблемы.

Теоретическое непонимание этого влечет за собой и неправильную установку в области экономической политики. Представляя законы развития на манер двух палок, находящихся в руках двух классов, лупцующих с ожесточением друг друга, тов. Преображенский упускает из виду *единство* системы; хотя это единство противоречивое, но оно *есть* единство с взаимной обусловленностью частей. Недооценка этой взаимной обусловленности чревата крупнейшими ошибками [1].

[1]) *П. П. Маслов* (см. его «Основы экономической политики». Гиз, 1926 г.), различая частнохозяйственную,

2. Закон «первоначального накопления» «в чистом виде». Эта общая неправильная установка сказывается и на обосновании пресловутого «закона». «Закон» этот,—если бы даже он был и был правильно *сформулирован*,—есть закон *соотношения* между «госхозяйством» и «частным хозяйством». Отвлекитесь от последнего — и «закон» вообще теряет *какой бы то ни было смысл.* Он превращается в бессмысленный набор фраз, лишенный какого бы то ни было содержания. Мы можем иллюстрировать эту мысль на следующем примере. Один из крупных наших экономистов, выступая в прениях по докладу тов. Преображенского, признавая за этим докладом «огромную научную ценность» и считая его за «исключительное явление в нашей литературе» (см. «Вестник Коммунистической академии», 1926 г., кн. 15, стр. 180, 183), дает такую формулировку:

государственнохозяйственную и народнохозяйственную точки зрения, все же недостаточно подчеркивает, что при диктатуре пролетариата государственнохозяйственная точка зрения *совпадает* с точкой зрения народнохозяйственной, если только речь идет о длительных, т. е. *решающих* «интересах».

«Еще одно замечание. Если бы мы в области нашего *государственного* хозяйства могли выделить некоторый комплекс, который представлял бы собой *автаркию*, тогда закон *социалистического накопления* (речь идет о законе первоначального социалистического накопления, сформулированном тов. Преображенским.—*Н. Б.) проявлялся бы в полном своем действии,* и закон ценности здесь был бы ни причем. Исходя из такого абстрактного положения, мы можем сказать, что чем ближе тот или другой комплекс нашего государственного хозяйства к автаркии, к некоторому самодовлеющему целому, тем меньше в нем действие закона ценности и наоборот» (*«Вестник»*, стр. 182).

Итак, если бы мы имели «автаркию», т. е., если бы государственное хозяйство было бы отрезано от «третьих лиц», т. е., скажем, если бы этих «третьих лиц» *вовсе* не было, то тогда как раз в «полном своем действии» проявлялся бы закон перекачки ресурсов из фонда этих несуществующих третьих лиц! Ну, можно ли сказать что-либо более нелогичное, чем приведенное «одно замечание»? А это *вывод* из положений тов. Преображенского, с их «огромной ценностью».

3. Оптимум «закона первоначального социалистического накопления». Свое увенчание разо-

бранные выше мысли тов. Преображенского находят, однако, в утверждениях автора «Новой экономики» об «оптимуме» закона первоначального социалистического накопления. *Эти* соображения тов. Преображенского (наиболее остро направленные против моей аргументации) настолько поразительны, настолько «исключительны» в «нашей литературе», что их, действительно, нужно широко популяризировать: на них лучше всего виден «первородный грех» тов. Преображенского.

Мы только что приводили мнение тов. Преображенского о том, что необходимо рассматривать тенденции госхозяйства в их «чистом виде» или, по формуле тов. Преображенского, «как если бы развитие государственного хозяйства шло, не встречая сопротивления частного хозяйства, рассматривать закономерность оптимума» (стр. 210). Или в другом приводившемся нами месте: нужно рассматривать эти тенденции, «взятые в их чистом виде, т. е. отвлекаясь от сопротивления среды частного хозяйства, а тем самым и от реальной политики, которую по экономическим (!!—*Н. Б.*) и политическим соображениям приходится проводить рабочему государству».

Ну, ладно! Как люди послушные, мы попробуем действовать по рецепту «Новой экономики» Сперва только отдадим себе отчет, от каких-таких сопротивлений нам приходится *отвлекаться.* И опять-таки, как люди послушные, мы готовы «послушать» нашего автора «как такового». Вот как определял эти препятствия тов. Преображенский в «Вестнике» (стр. 80):

> «Препятствия, которые встречает на этом пути государственное хозяйство, заключаются не в недостатке у него экономической силы для проведения этой *политики,* а, прежде всего, *в слабой покупательной способности частного хозяйства и в сравнительно медленном увеличении этой способности*».

Но тут—да простят меня читатели—я должен на минуту прервать изложение и отвлечься в сторону, ибо налицо некий случай в области «теории», который, на мой взгляд, является *криминальным.*

В своей «политической» статье я указывал тов. Преображенскому (см. сборник «К вопросу о троцкизме», стр. 82) на то, что *решающий* пункт об емкости крестьянского рынка тов. Преображенским вовсе не освещен. В своем ответе

(«Новая экономика», стр. 243—244) мой оппонент обрушился на меня с неслыханной резкостью:

> «Что касается емкости внутреннего крестьянского рынка и оценки его роли для нашей промышленности, то меньше всего я должен слышать здесь наставления от тов. Бухарина. Эту проблему я выдвинул (!!) полтора года тому назад...» и т. д.

Ладно. Не будем спорить на щекотливую тему, кто и когда «выдвинул» какую проблему. Но вот что интересно. В новом издании тов. Преображенский место о слабости крестьянского рынка радикально *переделал*, никого об этом не «предупредив». Мы читаем здесь (см. стр. 87):

> «Препятствия, которые встречает на этом пути государственное хозяйство, заключаются не в недостатке у него экономической силы для проведения этой политики, а прежде всего (дальше идет полная «замена».—*Н. Б.) в необходимости сочетать эту политику с политикой снижения цен...*».

Изменение столь существенное — без оговорок—я считаю неправильным и, следуя методу моего «противника», «фотографирую» тов. Преображенского за этим занятием. Читатели сейчас увидят, почему этот пункт представляется

нам крайне важным. Но сперва еще одно замечание en passant:

Необходимо констатировать, что тов. Преображенский, который проповедует абстрагирование от экономической политики государства, в своей *первой* формуле как-никак пытался связать эту политику с *об'ективным фактом* (слабость внутреннего рынка), во *второй* же формулировке отходит и от этого последнего теоретического момента, «сочетая» политику с политикой (политику накопления с политикой цен). А сам кричит: «Долой политику из анализа!» А теперь возвращаемся к главной теме (из анализа коей будет ясно, *почему* тов. Преображенский изменил формулировку и *почему* он «не предупредил читателя»).

Итак, мы приступаем к вопросу об *оптимуме* «первоначального социалистического накопления», т. е. к вопросу о том, какая хозяйственно наилучшая (оптимальная) цифра должна выражать то количество прибавочного продукта, которое может госхозяйство получить с крестьянского хозяйства в фонд промышленного накопления или в фонд накопления государственного

сектора хозяйства. Как мы видели, тов. Преображенский настоятельно требует при этом абстрагирования от «препятствий», идущих со стороны «частного хозяйства». Мы видели также, что *главным* таким препятствием является *слабая емкость внутреннего рынка.* Итак, чтобы в «чистом виде» вывести «оптимум» первоначального накопления, нужно, по Преображенскому, абстрагировать от емкости внутреннего рынка.

Ну, а теперь попробуйте вывести этот оптимум! Посмотрели бы мы на такого «оптимальных дел мастера», который смог бы вывести «оптимум», не считаясь с *условиями, этот «оптимум» определяющими!* Не ясно ли даже ребенку, что это задача *неразрешимая*, а само понятие «оптимума» в интерпретации тов. Преображенского *прямо бессмысленно?* Думаем, что ясно.

Нетрудно видеть, где корень ошибки. Закон *соотношения* предполагает оба члена этого соотношения. Вынимая один (крестьянское хозяйство), вы тем самым уничтожаете *все.* Вот вам и «теоретический анализ»!

4. «Закон первоначального социалистического накопления» и распределение производительных сил. Во второй главе нашей работы мы видели, что закон «первоначального социалистического накопления» заменяет собой закон ценности и является законом, так сказать, заведующим распределением производительных сил в стране. С другой стороны, мы видели также, что основная *наша* ошибка, по Преображенскому, состоит в том, что мы не считаем возможным абстрагироваться от таких «препятствий», каким является, в первую очередь, емкость крестьянского рынка. Рассмотрим и с этих точек зрения «закон» тов. Преображенского («в чистом виде»!).

Если не стоять на позиции *Туган-Барановского*, то ясно, что здесь нельзя отвлекаться от потребления, т. е. от *спроса.* Спрос же у нас в значительной мере есть крестьянский спрос. С другой стороны, у нас *социальное* деление производственных сфер совпадает в главном с основным их *производственным* делением (пролетарская индустрия и крестьянское сельское хозяйство). Тот факт, что хлеб растет на полях, а не на городских мостовых, был известен даже

воспитанницам благородных институтов старого доброго времени.

Что отсюда следует? Отсюда следует, что емкость внутреннего рынка, определяющая спрос, есть один из важнейших факторов, непосредственно определяющих размеры легкой индустрии, и отчасти металлической и прочей промышленности. А это, в свою очередь, по «цепной связи» определяет и пропорции между другими отраслями. Никакого плана индустрии, *взятой в «себе»*, построить поэтому *нельзя*. И совершенно не случайно, что у нас «производственные программы» промышленности связываются с вопросами урожая. Попробуйте теперь сочинить «план» *помимо* учета «емкости крестьянского рынка», *отвлекаясь* от этого вопроса! Разве это не абсурд? А этот *абсурд* тов. Преображенский поднимает до высоты методологического принципа. В основе этого абсурда лежит та же ошибка. Тов. Преображенский видит *противоречия*, но не видит *единства* народного хозяйства, видит *борьбу* но не видит *сотрудничества*, подходит к вопросу с точки зрения «плоских», «логических», а не

«диалектических» противоречий. И потому получает соответствующий результат.

Пора, пожалуй, переходить теперь от «цепи выводов» к самому закону. Напомним его формулировку, как она была дана в «Вестнике Коммунистической академии» («Вестник», 1924 г., кн. 8, стр. 92). Там тов. Преображенский формулировал свой «закон» следующим образом:

> *«Чем более экономически отсталой, мелкобуржуазной, крестьянской является та или иная страна, переходящая к социалистической организации производства, чем менее то наследство, которое получает в фонд своего социалистического накопления пролетариат данной страны в момент социальной революции,—тем больше социалистическое накопление будет вынуждено опираться на эксплоатацию досоциалистических форм хозяйства и тем меньше будет удельный вес накопления на его собственной производственной базе, т. е. тем меньше она будет питаться прибавочным продуктом работников социалистической промышленности. Наоборот, чем более экономически и индустриально-развитой является та или другая страна, в которой побеждает социальная революция, чем больше то материальное наследство в виде высокоразвитой индустрии и капиталистиче-*

ски организованного земледелия, которое получает пролетариат этой страны от буржуазии после национализации, чем меньше удельный вес в данной стране докапиталистических форм производства и чем более для пролетариата данной страны является необходимым уменьшить неэквивалентность обмена своих продуктов на продукты колоний, т. е. уменьшить эксплоатацию последних,—тем более центр тяжести социалистического накопления будет перемещаться на производственную основу социалистических форм, т. е. опираться на прибавочный продукт собственной промышленности и собственного земледелия».

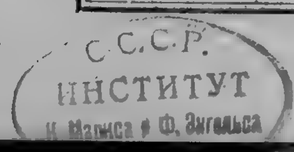
В этой формулировке тов. Преображенский вынужден был, под ударами критики с нашей стороны, снять и «колонии» и «эксплоатацию». О сем разговор будет много дальше, и поэтому эту тему мы пока отложим. Сейчас только отметим следующее: *главная* мысль, «непосредственно данная» в «законе», сводится к тому, что там, где «третьих лиц» *нет*, и *брать* с них нечего; там, где их *больше*, и *получить* с них можно больше. Следовательно, здесь перед нами «закон», вроде «закона», гласящего, что 6 больше 5, или 4 меньше 12. Это, как раз, есть

«трюизм», с чем, впрочем, согласен и сам тов. Преображенский, для которого все — «в цепи выводов». Одним из *главных* выводов у тов. Преображенского является такой «вывод»:

> «Закон первоначального социалистического накопления есть закон борьбы за существование государственного хозяйства. Неэквивалентность обмена, которой он требует и в сфере товарообмена, есть не только воспроизведение той пропорции, в которой эта неэквивалентность существует в капиталистических странах, но и связана с известным плюсом сверх этого» («Новая экономика», стр. 249).

Этот «вывод» требует специального рассмотрения, и его анализ предполагает ряд новых промежуточных логических звеньев, установить которые является задачей последующего изложения.

Здесь мы подводим итог другим «выводам», в особенности связанным с «оптимумом» тов. Преображенского. Наш «вывод» о «выводах» таков: тов. Преображенский почти достиг «оптимума» путаницы, из которой ему не вылезти даже при помощи фотографических аппаратов. А засим — до следующего раза.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса

Цена 25 коп. 6395

